

Ваня, или Судьба женщины прошлой эпохи

Моя бабушка Прасковья Алексеевна родилась в 1909-м году на Ставрополье в обычной станице и такой же обычной семье, в которой было шестеро детей. Испытания как у всех — революция и все, что за нею последовало. Прасковью выдали замуж в 18 лет за парня Ивана из зажиточной семьи, так решили родители, хотя Прасковья втайне любила другого. К счастью, Иван оказался добрым, умным, поэтому поговорке «стерпится – слюбится» чуть легче было воплощаться в жизнь. Один за другим родились трое детей. Но вот начался тяжелейший для страны период 1931-1933 годов — период голода, во время которого всем территориям было трудно, но особенно пострадали Поволжье, Ставрополье, Сибирь и др. Волей обстоятельств Ивану из-за несправедливых обвинений и возможности попасть за решетку пришлось покинуть станицу. Прасковья держалась как могла, пытаясь сохранить детей от голода и болезней. Лишь однажды она рассказала, каким потрясением для нее было, когда одна женщина в станице съела своих детей. Когда это стало известно, у Прасковьи появился страх, что ее детей могут украсть с такой же целью. Но пришлось приобрести другой тяжелый опыт — хоронить своих детей, которых не смогла уберечь от голода. Во время голода похоронила и родителей. Братья и сестры разъехались, кто куда смог — на Кубань, в Грузию, Осетию. Прасковья подалась в соседнюю Чечню, где можно было работать на хлопке и остаться живой. Тяжело работали, спали в бараках практически на земле. Сильно застудила голову, поэтому, вероятно, всю оставшуюся жизнь она очень мучилась от головной боли. Иван, вернувшись в 1935-м году в станицу и не найдя семьи, стал искать Прасковью. Чудом смог найти ее в поселке Алпатово в Чечне. Там родились еще трое детей — две девочки (1936 и 1938 г.р.) и мальчик (1940 г.р.). Иван работал комбайнером, семья стала подниматься, а тут война! Иван уходит на фронт, а Прасковья снова с тремя детьми... Выкручивалась как могла, выполняла тяжелую работу, лишь бы можно было чем-то накормить детей. Моя мама вспоминала, как бабушка им разломит кусочек лепешки на троих, а сама соберет себе крошки со стола... За период войны в доме Прасковьи останавливались и советские солдаты, и немецкие. Было нелегко молодой женщине. Одни немцы хотели расстрелять плачущих детей, другие угощали печеньем, пытались объяснить, что у них дома тоже есть дети. Все наступления и отступления войск для мирных жителей сопровождалось бомбежками, постоянными перебежками к лесу, в овраги, где можно было спрятаться. Особенно трудно было с маленькими детьми.

Иван на фронте был водителем в артиллерийском батальоне, хотя не раз был на грани смерти, но остался живым. Вернулся домой, поднимали детей, но воспитанием в основном занималась Прасковья — неграмотная женщина, но с большим жизненным опытом. Она точно знала, что хорошо и

что плохо, смогла, хотя и строго, как многие в то время, заложить в своих детей основные жизненные ориентиры. Иван активно работал и за свой профессионализм стал главным механиком завода. Трудно сказать, полюбила Прасковья мужа или нет, но в детях воспитала огромное уважение к отцу, да и к себе тоже. Я знала бабушку Прасковью молчаливой, очень сдержанной в эмоциях, со строгим выражением лица и какими-то своими мыслями. Нас, внуков, все детство удивляло, как бабушка, глубоко верующий человек, никогда не ела яблоки до яблочного Спаса, говорила, что когда на Спас на небе Господь будет раздавать яблочки рано умершим детям, ее малышам он скажет, что их яблочки съела мать, и ничего им не даст. И мы верили в это и уважали ее память об умерших детях.

Прасковья пережила мужа на девять лет и умерла в восемьдесят. В последний день жизни во время агонии она в полусознательном состоянии протягивала руки и повторяла: «Ваня, Ваня...». Мы так и не знаем, то ли муж за ней приходил, то ли умерший первенец Ваня, которого она любила больше всех.

Майстренко Елена, г. Сургут